

БИБЛИОТЕКА ВОСПОМИНАНИЙ

ся к отцу Юрий Александрович. Отец объяснил, что по-украински Юрий и Георгий — одно имя и Александр Петрович зовет его, как звал в юности в Харькове.

Меня Довженко принял через пару дней после визита отца. Сел спиной к свету на жесткий стул. Зеленовато-седые волосы, подсвеченные солнцем, обрзовали нимб. За окном неоновый ангел в облики пионера — реклама кинотеатра, что напротив — трубил в горн.

На столе в украинском куманце — огромный, ненатуральный своей величиной, колос пшеницы. На стене фотография хозяина кабинета по пояс в пшенице. На полке у тахты беззвучно мелькающий телевизор с линзой.

Александр Петрович заговорил обо мне.

Есть выражение у музыкантов — «читает с листа». Довженко «читал с лица». Я

— Ну, рассказывай, — он присел на краешек стола, вставил антитабачный патрончик в мундштук и закурил сигарету.

Я принялся излагать разговор Довженко. Ромм не перебивал — молча затягивался сигаретой, и только, когда дошел до довшенковской оценки режиссеров «Ослика», Михаил Ильич перебил:

— Один из них наш с Юткевичем ученик, другой — Кулешова.

Мне показалось, что Ромм подчеркивает свою причастность к отмеченному Довженко фильму. На намерение Александра Петровича послать поздравление молодым режиссерам Михаил Ильич отреагировал мгновенно:

— Конечно, не пошлет.

Обещание помочь мне со ВГИКом вызвало аналогичную реакцию:

— Конечно, не поможет.

— это — ущемленный!

Начался подготовительный период по «Поэме о море» — меня позвали туда ассистентом. Исторический и этнографический срез объекта «Скифы хоронят царя», решенного затем Юлией Солнцевой в мультипликации, было поручено разработать мне — предполагалось, что это видение мальчика должно быть решено средствами игрового кино.

Я приносил добытые материалы к Довженко — теперь уже в его мосфильмовский кабинет с шаром перекати-поля, лежащим на столе, а школьной черной доской, на которой менялись довшенковские зарисовки мелом.

Доска была в пропорциях кадра широкого экрана. Сюда он практически вкладывал эпизоды.

Один из них меня особенно поразил. Многократно потом воспроизведенный в печати (жена Довженко Солнцева, хозяйин группы, внимательно следила, чтобы все его почеркушки фотографировались), он изображал мать, качающую колыбель в центре, а слева и справа — от нас и на нас идущие — полки гайдамаков и советской армии.

Вечная мать народа! Как здорово и емко! Какая метафора жизни рядом с разрушительным прошлым и будущим!

Позже я увидел «Нетерпимость» великого американца Гриффита. Увидел кадр — Лилиан Гиш с колыбелью. Узнал строчки Уолта Уитмена «Бесконечно качается колыбель... соединяющая настоящее и будущее...». И подумал: что же было у Довженко? Простое совпадение? Не знаю! Не знаю!

Встречи с Довженко прервались неожиданно. Я был призван на флот.

И только потом, через 33 года, узнал у Тенгиза Абуладзе, что Александр Петрович послал-таки восторженную телеграмму режиссеру «Ослика».

Тогда же вдова С.К.Скворцова нашла в его архиве письмо Михаила Ромма, доселе мной не читанное. Привожу его:

«Уважаемый Сергей Константинович!

Прошу Вас обратить внимание на двух абитуриентов: Ю.Ухтомского и Л.Марягина. Оба они держали в прошлом году на первом курсе, но не прошли по очкам.

За этот год мне привелось ближе узнать их обоих, так как страстная тяга на режиссерский факультет привела к тому, что оба они остались в Москве, работали здесь и делали все, что могли, чтобы лучше узнать профессию.

Ухтомский, в частности, был у меня у мощником на картине (до самых последних дней).

Марягин работал осветителем во ВГИКе, а последние месяцы опять же помогал мне в группе.

Оба очень стоящие ребята, хотя очень разные.

В свое время я попытался среди года взять их к себе в мастерскую, но это оказалось невозможно, по формальным причинам — (мне отказало Министерство).

Я считаю, что оба представляют собою отличный материал.

Просьба моя заключается в том, чтобы отнестись к ним повнимательней. Не знаю, какой в этом году конкурсу, но было бы очень жаль, если двум этим способным, упорным и, как мне кажется, очень хорошим ребятам, не удастся осуществить свою мечту.

Простите за беспокойство.

Ваш Михаил Ромм».

Не знаю, побывало ли это письмо в руках Довженко, но мне оно дало возможность общения с этим режиссером.

● Михаил Ромм среди учеников (слева Леонид Марягин).

История одного письма

Экран и сцена. — 1996. — 18-25 июля. — с. 16

Леонид МАРЯГИН

слушал его и дивился умению распознавать характер и помыслы, глядя на человека. Допускаю, что какие-то сведения обо мне он извлек из моих скромных вступительных почеркушек, кое-что, очевидно, открыл ему мой отец, но главное — он угадывал то, в чем я и сам себе боялся признаться.

Довженко заговорил о режиссуре, о сложности и превратности этой профессии. Стал характеризовать современных режиссеров.

— Вот Луков — биологический талант, — он говорил медленно, часто выдыхая, иногда поднимая на меня старческие мутные глаза. — Я ставил Лукова на ноги, а он — Довженко сделал долгую паузу и потом добавил, — а он... стоит... Рошали — я их очень люблю. Они прекрасные люди. Я с удовольствием хожу к ним в гости. Им бы хорошо работать воспитателями в детском саду. Пырьев... Был режиссером — был человеком, стал директором «Мосфильма» — чертом стал.

Александр Петрович заговорил без перехода о молодой режиссуре:

— Мне очень понравилась картина «Ослик» молодых ребят Абуладзе и Чхеидзе. Обязательно пошлю им телеграмму!

Естественно, разговор, коль скоро Довженко «читал с лица», коснулся и ВГИКа.

— Не люблю этот ВГИК со смыком. Режиссеров нужно учить в жизни. Я буду обращаться в правительство: пусть дадут мне место на Ялтинской студии вместе с моим курсом. Я буду снимать кино, а они — помогать мне и учиться. И вас тоже попробуем взять. Сделаю все, что смогу.

Я не мог держать в секрете свою встречу с Довженко. Меня распирало, я открыл дверь съемочной группы «Шестая колонна» и заявил ассистенту режиссера Кате Народицкой:

— Я был у Довженко.

Через пять минут меня пригласил к себе Михаил Ильич Ромм.

Артист Шатов влепил полновесную пощечину молодому Михаилу Козакову, Ромм скомандовал: «Стоп» и расположился за столиком помрежа. Для меня, юного провинциала, и моего напарника Юры Ухтомского (тридцатилетнего моряка, татуированного от шеи до пяток) наступило самое значительное мгновение.

В опустевшей декорации тюрьмы по картине «Шестая колонна» (так называлось в производстве «Убийство на улице Данте») при тусклом дежурном свете Михаил Ильич Ромм писал нам рекомендацию для поступления во ВГИК, на режиссерское отделение.

Писал скоро и легко — будто заранее сложил содержание письма, а мы, боясь шелохнуться, следили за движением его руки из темноты павильона.

Ромм заклеил конверт и протянул его нам:

— Запечатал, чтобы не зазнавались! — Естественно, первым у конверта оказался тридцатилетний бывший Ухтомский, засунул его поглубже в боковой карман пиджака и мы, пятась и благодарно кивая Михаилу Ильичу, исчезли из павильона.

Председателем приемной комиссии в тот 55-й год был в прошлом сотрудник Льва Кулешова С.К.Скворцов, много лет преподававший во ВГИКе на режиссерском факультете. Ему-то и вручили мы письмо Ромма. Скворцов был удивлен, и, как мне показалось, даже испуган этим посланием режиссера.

— Почему мне? Набирает же Довженко. Но письмо вскрыл, пробежал глазами и сказал:

— Ну, что ж, я покажу письмо Александру Петровичу.

Через два дня мы предстали перед экзаменаторами. Довженко за столом Комиссии не было. Скворцова — тоже. Собеседование было коротким — ведущий его педагог по фамилии Нижний потратил на меня полторы минуты, на Ухтомского, дай бог — две.

Раздавленный, не смея показаться на глаза Ромму, я поехал в свое Орехово-Зуево, где жил мой отец, в прошлом молодой донецкий писатель, опубликовавший роман «Металлургия» в журнале «Забой», оторванный от литературной работы после разгрома этого журнала, как троцкистского логова. Он никогда не был ни комсомольцем, ни партийцем, но дружил с главным редактором «Забоя» Баглюком, объявленным троцкистом. На этом основании с 1937 года семья была выдворена из Москвы в Орехово-Зуево.

Отец, выслушав мою унылую жалобу, сказал:

— В свое время я не раз встречался с Довженко на мельнице. Попробую возобновить знакомство. Давай твои опусы!

Я кинулся вытаскивать вторые экземпляры вступительных работ из картонной коробки, засунутой под бабушкину кровать, а отец, одеваясь, пояснил:

— «Мельница» — это комната журналиста Мельника в Харькове, — эдакий импровизированный клуб молодых литераторов, художников, артистов. Туда часто заходил и Довженко — тогда еще художник и карикатурист «Висти».

Довженко принял моего отца как воспоминание, как далекий голос молодости. Завязалась дружба.

Забегая вперед, скажу, что часто потом служил я курьером, передавая отцу в Орехово-Зуево неизданные рукописи Довженко с приколотыми к титулу записками и возвращал их потом Александру Петровичу уже с письмами отца. Помню, как vez я пьесу Довженко «Потомки запорожцев» о коллективизации на Украине с его припиской-просьбой сказать, как эта пьеса звучит сейчас (шел 1956 год). В приписке Довженко почему-то обращал-